

УДК 94(569.4) «70/638»

Омар А.Т.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

ПОНЯТИЕ НУМИНОЗНОГО ОПЫТА (НА МАТЕРИАЛЕ МИФОЛОГИИ ДОИСЛАМСКИХ ТЮРКОВ)*

A. Omar

The Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

THE NOTION OF NUMEN EXPERIENCE (ON THE MATERIAL OF PRE-ISLAMIC TURKS' MYTHOLOGY)

Аннотация. В статье излагается сущность нуминозного опыта индивида, разработанного теоретически европейской наукой с конца XIX в. до настоящего времени; его определение, общие положения на основе богатого материала мифологии доисламских тюрков. Подчеркивается, что современная философская наука более не может обойтись без понятия нуминозности и всего комплекса вопросов, связанных с этой проблематикой, при анализе мифологического сознания. Актуальность темы обусловлена также проблемами глобализации и стремления современной философской мысли к обращению к первобытным формам мифологического сознания.

Ключевые слова: нуминозность, нуминозный опыт, мифология, мифологическое сознание, архетип.

Abstract. The paper considers the individual's numen experience, the essence of which has been theoretically elaborated by European science since the 19th century, its definition and main aspects on the basis of rich material of pre-Islamic Turks' mythology. The author stresses the fact that modern philosophy cannot avoid the notion of numen and the whole complex of questions connected with this problem while analyzing mythological consciousness. The topicality of the question is also connected with the problems of globalization and the tendency of modern philosophical thought to address primitive forms of mythological consciousness.

Key words: numen, numen experience, mythology, mythological consciousness, archetype.

Нуминозность – важнейшая и неотъемлемая часть религиозного опыта, характеризующаяся интенсивным переживанием божественного присутствия как «совершенно Иного» по сравнению с эмпирическим опытом. Концепция **нуминозного опыта** предполагает рождение религии не из естественного страха, а из предполагаемой «мировой тревоги» [8, 16]. Истоки **нуминозности** лежат в первобытных религиях, описанных как «демонический ужас». В апперцепции мифологического сознания коренится чувство ужаса, выводимого не из обыкновенного страха, а из признания существования «совершенно Иного». Под влиянием инстинкта человек «приспособил» свой ум, создавший богов, демонов и духов, к созданию сил, которые не являются чисто механическими, уступают нашим желаниям (религия) и подчиняются нашей воле (магия) [1]. В ходе формирования религиозных взглядов в мифе произошла дифференциация понятий божественного: **genius** – гений, дух; **numen** – божество; **deus** – бог. В сфере нуминозного опыта при разных соответствующих условиях и ритуалах индивид обращался к каждому из этих понятий (явлений). При этом «божество», как мы уже указывали, имеет второй смысл – *божественная воля*.

Мифологическое сознание имеет представление о непосредственном общении *человеческого* и *божественного*, при этом не только боги могут вмешиваться в жизнь человека, но и человек в потусторонний мир, посредством дионисийской составляющей культуры (в отличие от аполлоновской) [7]. В дионисийских ритуалах, оргиях, празднествах человек общался с миром божественного в измененных формах сознания. Так, например, казахские салы – воины и музыканты – в мирное время носили странную артистическую одежду, проводили время в

* © Омар А.Т.

пиршествах и сексуальных оргиях, не трудились. Причина этого заключалась в том, что благодаря своему музыкальному и поэтическому таланту они считались обладающими божественной силой, способными вымолить у небесных сил плодородие, удачу для людей.

Опыт общения с духами основывался на вере в то, что **genius** любит слушать музыку и пение. Для этого существовал обряд задабривания духов перед охотой или военным походом. В индивидуальной молитве воин перед битвой, учитель перед проповедью, шаман перед лечением поднимали руки к Великому Небу-Тенгри (**deus**), чтобы получить от него божественную силу и благословение. Затем руками обводили вокруг пояса, окружая себя божественной защитой, силой. Рассмотрим описание встречи человека с божеством в древнеуйгурской «Книге гаданий». «Я – бог судеб (путей) на пегом коне, / Утром и вечером я скачу. / Перед [собой] двух месяцев / Человеческого сына он встретил. / Человек испугался. / «Не бойся!» – он сказал. / «Я дам тебе счастье!» – он сказал...» [9, 81].

Переживание нуминозного опыта отличается от ощущения естественного страха. Божественный трепет всегда связан с тайной, со встречей с неразгаданным. Голос с неба является человеку неожиданно. В одном из подобных описаний приводится следующая история: некто ехал на лошади, как вдруг голос стал предупреждать его об опасности. При этом на небо набежали чёрные тучи, за сверкали молнии, прогремел гром. Человек этот от страха упал с лошади и через некоторое время умер [5, 78]. Мы сразу можем отличить религиозное возвышенное состояние от божественного страха. В этом смысле *молитва* – только схема нуминозного.

Когда человека потрясает созерцание неба и возникает ощущение, что кто-то говорит с тобой или кто-то просто присутствует незримо, это и есть **numen**. В трансцендентной сфере, куда обращается человек, заканчивается каузальность. В трансцендентной сфере человек не имеет средств для измерения, в *божественном* сливаются все предметы и понятия, далее человечество сформулирует:

«Аз есмь альфа и омега, начало и конец». Отношение индивида к трансцендентному объекту открывает перед первым **нечто**, превосходящее полноту бытия. Здесь человек сталкивается со своей безусловной зависимостью.

Таким образом, состояние индивида, переживающего нуминозный опыт, характеризуется следующими факторами: 1) осознанием того, что Бог становится сущим; 2) в этот момент Бог становится Бытием; 3) индивид понимает собственную ничтожность; 4) индивид переживает момент наивысшего чувственного иррационального напряжения; 5) индивид остро осознаёт *конечность* своей жизни; 6) индивид испытывает сильнейшее стремление к вечности, к вечной жизни.

Наиболее ярко демонстрируют *нуминозный опыт* на уровне общения с **genius** экстатические практики. Отсюда, от «демонической воли» позже возникло представление о «живом боге», который воздействует на человека аффективно, раздражает его, стимулирует, таким образом, к действию, к жизни. *Страх и святость* производят ещё один мотив нуминозного опыта – его *энергичность*. Этот опыт наполняет человеческую душу динамикой, возбуждением, побуждением к деяниям, когда чистые символы чувства принимаются за адекватные понятия. Именно этот момент энергии нуминозного и не даёт религии стать полностью рациональной.

На этом этапе можно сделать выводы о том, что **numen** направлен на человека, он не существует без человека. Иначе – на кого он может быть направлен, ведь никто, кроме человека, не может его почувствовать? **Numen** – из области чувственного опыта, он иррационален, но доступен каждому человеку. В нуминозном опыте человек ощущает связь между *профанным* и *сакральным*, потому что **numen** есть связь между этими сторонами жизни, это наивысший накал ощущения полноты бытия. В той точке, где происходит встреча человека и божественного, образует центр мира, и мир в этой точке и в эти мгновения поддается восприятию. А это, в свою очередь, необходимо человеку мифоло-

гического общества, поскольку для него характерна огромная онтологическая жажда.

Стремление к встрече с **numen**, подчас неосознанное, подчас непредвиденное, продиктовано также и страхом перед смертью. Страх и любопытство движут человеком по отношению к смерти, так как получение всей полноты знания о бытии невозможно без знания о смерти («Я мёртв» – «окончательная» наполненность интуицией объекта [2, 127]). Поиск преодоления смерти, с вопросом о котором и обращается человек к богу, идея спасения – первоначальный посыл к нуминозному опыту.

Это подтверждает довольно распространённый мифологический мотив бегства человека от смерти. Легендарный дед Коркут, сказитель, знахарь, святой, скрывался от смерти, и Бог сказал ему: «Ты не умрёшь до тех пор, пока сам не помянешь смерти» [3, 548]. С момента испытания героем момента *trepnema (tremendum)* в его жизни появилась **numen**. Сюжет обнажает ступени нуминозного опыта. Недельное бдение героя, пение до изнеможения при бегстве от смерти – факт перехода в иную реальность, когда не действует каузальность, момент *величия (majestas)*. Нуминозный опыт проявляется и в том, что во время жизни Коркута действия его составляют тайну, тайна – его состояние между жизнью и смертью. Уже в новое время, в 1860 г., во время камлания шаман зывал к духу Коркута так: «Назову его мёртвым, – он не мёртвый, назову живым, – он не живой, отец святой Коркут!» [3, 554].

Вещам, явлениям и предметам нуминозное сообщает свою силу. В эпосе «Коркут-ата» это волшебная верблюдица Желмая, которая, как ветер, переносила героя на огромные расстояния, а также река, на поверхности которой жил Коркут перед смертью, ковёр, юрта вместе с домашним скарбом лишились своего профанного статуса и стали *сакральными*. Очевиден и переход жены героя в трансцендентальное состояние. И, наконец, змея – орудие в руках **numen**, исполнитель божественной воли, роковой вершитель судьбы человека. Но главный нуминозный предмет, сохранивший свой

статус и после смерти своего изобретателя – кобыз, который с тех пор и стал священным предметом, помогающим людям общаться с потусторонним миром. Кобыз, созданный героем при участии тёмных сил. Символический характер финала этой легенды возводит кобыз и музыку, создаваемую шаманом, по-этом, святым, в ранг символа вечности, как преодоление профанного времени и преодоление страха перед смертью.

Структуралисты, в частности – К. Леви-Стросс, подчёркивали связь мифа и музыки как двух трансцендентальных языков, как двух неразрывных повествований, разворачивающихся во времени для того, чтобы его опровергнуть [6]. Если принять во внимание, что процесс пения мифа требует от исполнителя и от слушателей религиозного переживания, то естественно было бы назвать этот опыт также *нуминозным*. Музыка преобразует сегменты, обращённые к слушателю, в синхронную и замкнутую на себе целостность, и слушатели произведения в силу самой организации этого процесса останавливают утекающее время. Как повествует «Коркут-кюй» (народная песня о Коркуте), «там, где звучит музыка, не властна смерть» [3, 554]. Антиномия между утекающим физическим, историческим временем и преобразовывающими его сегментами структуры стирается, исчезает.

Самостоятельная роль животного в совершении священного ритуала, наделение его антропоморфными качествами подтверждают нуминозную сущность жертвенных животных. Жертвоприношение становится тем самым святилищем, где проецируется и предвосхищается божественное решение, которое будет принято на Страшном суде. Другая ипостась нуминозных существ природы – *оборотничество*. Как сошествие божьего духа на человека рассматривалось шаманское поведение, когда он полностью копировал боготворимое животное и до крайней степени вживался в образ [5, 15]. Появление такого животного рядом с человеком непременно вызывало страх божественного присутствия.

Здесь следует также отметить, что *шаман* – человек по рождению, но перерождённый, вследствие посвящения и инициации, – *сын бога*: «Я был человек, созданный по произволению самого Хара-Суоруна (Чёрный Ворон – древнее божество якутов). Родился с предопределением судьбы – не ведать, пока живу в этой средней земле, какой-либо неудачи, не подвергаться случайному несчастью» [5, 34]. Здесь открывается новая онтология: «Я был человек». Получается, что преодоление состояния *человека* создаёт новое, нуминозное существо, которое не ведаёт смерти. Многие шаманы и чтецы эпоса, считается, не умирают, как обычные люди, а «уходят в небо», «улетают» вслед за своим тотемическим предком.

Исходя из вышесказанного, фактически проявлениями нуминозного присутствия в жизни индивида можно считать следующие «действия»: непосредственная беседа бога с человеком во сне или наяву; хождение по воде и жизнь на воде; растворение в воздухе и прохождение сквозь стены; исцеление больных, в том числе бесноватых; вознесение на небо; превращение одних предметов в другие (например, неодушевлённых в одушевлённые), в том числе как способ чудесного добывания пищи; нанесение вреда людям за причинение обиды шаману (вызывание смерти скота, например); возвращение сбежавших коней; воскрешение умерших; испрошение детей; вызывание половой страсти; путешествие по параллельным мирам; чрево вещание; предвидение будущего.

Здесь налицо чувственное восприятие мира, ощущение моментов **tremendum** («ужасающего») и **majestas** («всемогущего»), причём все люди, вовлечённые в «исполнение» этих чудес, разделяют эти чувственные представления. Момент «ужасающего» в деятельности шамана настолько велик, что стоит остановиться на нём отдельно и описать основные неотъемлемые атрибуты шаманской сущности как нуминозного опыта: культ *сумасшествия* и *инициация* шамана, когда всё его существо, и тело, и части души, отдаются для воздействия **numen**. Сами шаманы

рассказывают об этом так: «Духи, изрезав и разделив мясо, ... наделяют кости новым мясом и садят прежнюю голову на место... По рассекании моего тела на части, его по кусочкам делят между всеми путями несчастий и бед» [5, 50]. «Смерть» шамана при посвящении – это *рождение* для другой жизни.

Без божественного участия человек был бы ничтожен и мал. С помощью **numen** появляются такие архетипы, как мудрый старец, гениальный певец, умелые и магические кузнец, гончар, охотник. Кузнец создаёт вещи-иерофании, владеет магией орнамента, является укротителем огня и металла. В ряду нуминозных существ (или людей, на которых оказал влияние *numen*), безусловно, один из самых древних – охотник. Легенда о Великом Охотнике, убивающем старое Солнце для того, чтобы родилось новое и подарило людям весну, цветение, радость, новую жизнь, существует у всех тюркских народов. Сакральное действие Охотника – тяжкая ноша, часто он платит за него своей жизнью.

Таким образом, определение нуминозного опыта базируется на различии понятий *мифология* и *религия*, так как, употребляя термин «религиозный опыт», мы не всегда точны в применении его к мифологическому сознанию. Однако нуминозный опыт присутствует уже в мифологическом сознании. Значит, он более древний, чем чисто религиозный опыт, он первичен по отношению к религиозному опыту. *Нуминозное* – категория априори и чистое понятие, составляющее основу религии, первичное понятие как в индивидуальной религиозности, так и в религии общества. Можно сделать вывод, что *нуминозное* – нерациональный аспект религиозного опыта.

Когда сознание человека становится крепким настолько, что способно отличать субъективное и объективное, когда оно осознаёт *архетип* как нечто осознанное, тогда мифологическое сознание переходит в фазу религиозного. В религии бессознательное адаптируется, **numen** является свойством сознания, разума и психики человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994.
2. Деррида Ж. Голос и феномен. Различение и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб., 1999.
3. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Ленинград: Наука, 1974.
4. Ксенофонов Г.В. Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме. (К вопросу об «умирающем и воскресающем боге»). – Иркутск, 1929.
5. Ксенофонов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. – М.: Безбожник, 1930.
6. Леви-Строс К. Мифология: сырое и приготовленное. – М.: Free Fly, 2006.
7. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – М., 2000.
8. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб., 2008.
9. Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков / Перевод текстов Стеблевой И.В. – М.: Восточная литература, 2007.

УДК 1(091)

Ундров К.В.

Российский государственный социальный университет (филиал в г. Люберцы)

**ПРУДОН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ
ЭКСПОЗИЦИИ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЙ***

K. Undrov

The Lyubertsy Branch of Russian State Social University

**P.-J. PROUDHON IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL
EXPOSITION OF ANARCHICAL IDEAS**

Аннотация. В истории философской мысли П.Ж. Прудон занимает особое место. Он и философ-анархист, и экономист, и философ культуры, и, что самое интересное и малоизвестное, – религиозный философ. Данная работа является историко-философской экспозицией анархических идей в контексте их влияния на многоотраслевую парадигму человеческой культурной практики, на примере разносторонне организованной модели творчества французского философа-анархиста П.Ж. Прудона. Актуальность, современность и злободневность данной проблематики обосновываются в начале представленной работы.

Ключевые слова: анархия, Прудон, анархизм, анархические тенденции в культуре, мутуализм, суггестивное понятие.

Abstract. P.-J. Proudhon occupies a special place in the history of philosophical thought. He was a philosopher-anarchist, economist and philosopher of culture, and what is more interesting and less known that he was a religious philosopher. The paper presents itself a historical and philosophical exposition of anarchical ideas in the context of their influence on the diversified paradigm of man's cultural practice by the example of J.-P. Proudhon's many-sided model of creativity. The beginning of the paper substantiates its topicality and currency.

Key words: anarchy, Proudhon, anarchism, anarchic tendencies in culture, mutualism, suggestive notion.

Тема анархизма в современном мире является не только актуальной, современной, но и в некоторой степени злободневной. Подтверждение этому можно найти в сети Интернет, с обилием в ней разнообразных анархических сайтов, раскрывающих функциональные «секреты» достаточно пёстрой палитры анархических течений. Интернет сегодня – это прак-

* © Ундров К.В.